

Ипполитъ.

Трагедія.

Была поставлена на аѳинскую сцену въ мартѣ 428 г. до Р. Хр., выѣтъ съ тремя другими пьесами Еврипида, заглавія которыхъ не сохранились при этой датѣ. Тетралогія Еврипида, при состязаніи его съ Іофантомъ и Іономъ, была увѣнчана первымъ призомъ.

(Переводъ посвящ. Ф. Фр. Зѣлинскому.)

Дѣйствующія лица,

въ порядкѣ ихъ появленія на сценѣ.

Афродита II¹.

Ипполитъ, сынъ Тесея отъ Амазонки, I.

Хоръ охотниковъ—товарищѣй Ипполита.

Рабъ III.

Хоръ трезенскихъ женщинъ.

Корнелица III.

Федра, жена Тесея, II.

Тесей, царь Афинскій, II.

Вѣстникъ III.

Артемиды III.

Лица безъ рѣчей.

Свита Ипполита, свита Тесея, свита Федры.

Дѣйствіе происходитъ въ Трезенѣ передъ дворцомъ.

¹ Цифры обозначаютъ одного изъ трехъ актеровъ.

Прологъ ¹.

Сцена представляет площадь, ограниченную фасадомъ царскаго дворца Питея, въ дорійскомъ стилѣ (дворецъ занимаетъ середину задняго плана). Передъ порталомъ справа ² стоитъ изваяніе Артемиды, сѣва Афродиты. Съ боковъ къ фасалу примыкають отдѣльныя зданія съ особыми входами. Правая кулиса изображаетъ городъ, а лѣвая—деревню, между ними и задней стѣной оставлены проходы,—правый въ городъ, лѣвый за предѣлы страны.

—

Звлєніє первое.

Раннее утро.

Афродита (появляясь на возвышеніи).

Полна земля молвой о насъ, и ярость
И въ небесахъ Киприды дивной блескъ,
И сколько есть людей подъ солнцемъ дальнимъ
Отъ Понта водъ до Атлантійскихъ водъ,
Того, кто власть мою пріемлетъ кротко,
Мелѣю я, но если предо мной
Гордиться кто задумаетъ, тотъ гибнетъ.
Таковъ ужъ родъ безсмертныхъ.— что дары
Изъ смертныхъ рукъ сердцамъ отрадны нашимъ.
И правду словъ я скоро здѣсь явлю.

Изъ всѣхъ одинъ меня въ Трезенѣ этой
Фесеевъ смилъ, надменный Иполвтъ,
Могучею рожденный Амазонкой
И благостнымъ Питосемъ воспонетъ,
Последнею разславилъ въ сонмахъ дивныхъ
Онъ радостей и узъ любви бѣжить,

¹ Въ осн. пер. текстъ Вейля.

² Отъ эристея.

А межъ боговъ сестры милѣ Феба
 И Зевсовой нѣтъ дочери ему . . .
 И съ чистою среди зеленой чащи
 Не знаетъ онъ разлуки. Своры онъ
 По звѣрю тамъ гоняетъ съ нею рядомъ,
 Сообществомъ божественнымъ почтенъ . . .
 Нѣтъ зависти во мнѣ: я оставляю
 Его друзьямъ. Но въ чемъ передо мной
 Онъ погрѣшилъ, за то гордецъ отвѣтитъ
 Сегодня же . . . Нависла и давно
 Лишь мига ждетъ, чтобъ оборваться, кара.
 Чтобъ Элевсина таинства узрѣть,
 Когда, чертогъ покинувъ онъ Питоея,
 Священный градъ Аены посѣтилъ,
 Его отца блистающая родомъ
 Тамъ юношу увидѣла жена,
 И чарами Эрота сердце въ ней
 Въ тотъ мигъ зажглось моею державной волей,
 И ранѣ, чѣмъ уѣзжать сюда,
 Влюбленная, она скалу Паллады
 Съ той стороны, что смотритъ на Трезень,
 Святилищемъ украсила Киприды,
 И храмъ ея тоскующей любви
 Такъ и прослылъ „святыней Ипполита“.

Когда-жъ Тесею, чтобы себя омыть
 Отъ пролитой имъ крови Паллантидовъ,
 Въ изгнаніе изъ Аттики съ женой
 Сюда, въ Трезень, свой парусъ направляетъ
 На цѣлый годъ - несчастная, мечты
 Безумныя со стопами мѣшая,
 Здѣсь отъ Эрота жала сохнуть стала.
 Она молчитъ. Изъ челяди никто
 О тайнѣ и не знаетъ. Только страсти
 Не суждено угаснуть безъ слѣда:
 Отцу о ней я расскажу, Тесею,
 И будетъ намъ враждебный Ипполитъ
 Убить его проклятьемъ. Царь глубинный,
 Не даромъ же Тесею Посидонъ
 Три посулилъ желанія исполнить.
 Прославлена - но все-таки умереть

И Федра. Пусть! мнѣ лучше, чтобы Федра
Погибла, чѣмъ, виновныхъ поразивъ,
Мнѣ сердца, месть лаская, не насытить.

(Издали слышатся хоры товарищей Ипполита).

Но вотъ и онъ . . . Тесея Ипполить,
Надменный сынъ . . . Покнинувъ ловъ тяжелый . . .
Сюда идетъ—я ухожу . . .

(Спускается со своей эстрады).

Пора . . . (Всматривается).

Съ какою онъ большой, веселой свитой. (Прислушиваясь).
Какъ ярко гимнъ ихъ Дѣвственной звучить,
Богинѣ ихъ отраденъ Артемидѣ:
Не чуетъ онъ, что Адовы врата
Ужъ для него открыты . . . и что солнца
Послѣдняго онъ пьетъ теперь лучи . . . (Уходитъ налево).

Явленіе второе.

Ипполить

со спутниками (справа); ихъ 15 человекъ, они одѣты въ охотничьи костюмы и вооружены дротиками. Ипполить — юноша съ локонами золотисто-бѣлаго цвѣта и строгимъ лицомъ; у него свѣтлые голубые глаза, его одежда и приемы болѣе говорятъ о палестрѣ, охотѣ и играхъ, чѣмъ о войнѣ и лагерѣ. Въ рукѣ у него вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ. При появленіи Ипполита изъ дому выходитъ нѣсколько рабовъ, въ томъ числѣ и Старый рабъ.

Шестые направляется къ статуѣ Артемиды.

Ипполить.

О, возславте гимномъ, други,
Золотую Діа дочь,
Артемиду, нашу радость!

Хоръ охотниковъ (къ статуѣ).

Дѣва владычица,
Радуйся, сильная
Зевсова дочь!
Чада Латои пѣтъ
Въ мірѣ прекраснѣе.

О. Артемида, намъ
 Нѣтъ и милѣе тебя:
 Въ златомъ украшенныхъ
 Залахъ отца боговъ
 Сколько чарующихъ,
 Сколько небесныхъ дѣвъ.
 Ты между нихъ одна
 Дѣвственно чистая,
 Солнца отрадѣе
 Ты, Артемида, намъ.

(Кладутъ на алтарь Артемиды цвѣты и расходятся).

Ипполитъ

(приближаясь къ статуѣ и окружая ее подножіе своей большой гирляндой).

Прими вѣнокъ, царица, въ заповѣдномъ
 Лугу, цвѣты срывая, для тебя
 Я вилъ его . . . На этотъ лугъ не смѣютъ
 Стада ступать, и не касался серпъ
 Тамъ нѣжныхъ травъ. Тамъ только пчель весною
 Кружится рой средь дѣвственной травы.
 И не одна изъ сонма нимфъ лѣсныхъ,
 Его росой поить сама Стыдливость.
 И лишь тому, кто истинно стыдливъ
 Не хитростью, стыдливъ душой свободной,
 Срывать цвѣты тамъ свѣжіе дано:
 Для слабыхъ душъ они не расцвѣтаютъ.
 (Приближаясь къ статуѣ и обнимая ее колъпа).

Но, милая царица, для твоихъ
 Волосъ златисто-бѣлыхъ ихъ свивала
 Среди людей безгрѣшная рука.
 Одинъ горжусь я даромъ—быть съ тобою,
 Дыханьемъ устъ съ тобой мѣняться звучнымъ
 И голосу внимать, лица не видя . . .
 О, если бы, какъ начинаю путь.
 И, обогнувъ мету, все быть съ тобою . . .

Старый рабъ

(подходя къ Ипполиту, который спустился со ступеней подножія.
 Старикъ безъ шапки, съ палкой, говорить сурово).

Царь!.. для меня лишь боги господа . . .
 Готовъ ли ты принять совѣтъ во благо?

Ипполитъ.

Конечно, да. Иль мудрости, старикъ,
Иначе мы сберечь могли бы славу?

Старикъ.

Ты знаешь ли, что общій есть законъ?

Ипполитъ.

Какой законъ? Къ чему ты рѣчи клонишь?

Старикъ.

Кто сухъ душой надменной, намъ не милъ.

Ипполитъ.

Ты правъ, старикъ: надменный ненавистенъ.

Старикъ.

Лишь ласковый имѣетъ даръ плѣнять.

Ипполитъ.

Онъ безъ труда друзей приобрѣтаетъ.

Старикъ.

Не то же ли среди боговъ, что здѣсь?..

Ипполитъ.

Разъ ихъ законъ мы, смертныя, приедемъ...

Старикъ.

Съ богинею зачѣмъ же ты такъ гордъ?

Ипполитъ.

Съ какой? Смотри—уста на грѣхъ наводятъ.

Старикъ

(указывая на статую Киприды).

Съ Кипридою, хранящей твой порогъ.

Ипполитъ

(съ полупоклономъ къ статуѣ Афродиты, не отходя отъ статуи
Артемиды).

Я чту ее, по издали, какъ чистый.

Старикъ (повышая токъ).

Особенно всѣ люди чтутъ ее.

Ипполитъ.

Кому одинъ, кому другой милѣ,
И изъ боговъ, и межъ людей, старикъ.

Старикъ (помолчавъ, съ разстановкой).
Умень ты, да . . . Дай Богъ, чтобъ былъ и счастливъ.

Ипполитъ.

Богъ, дивный лишь во мракъ, мнѣ не милъ.

Старикъ.

Дитя, воздай богамъ, что боги любятъ.

Ипполитъ (къ охотникамъ)

Свободны вы, товарищи! Въ дому
Намъ полный столъ отраденъ послѣ ловли,
Подумайте-жь, о пищѣ — а потомъ
Вы кобылицъ почистите. . . . Вкусивши
Отрадныхъ яствъ, — я ихъ запречь велю,
Ристалищу свободно отдаваясь.

(Къ старику, который молча стоитъ около статуи Афродиты—съ полупоклономъ къ обонямъ)

Вамъ много радостей съ Кипридою, старикъ!

(Ипполитъ уходитъ въ среднія двери, свита въ лѣвыя двери).

Явленіе третье.

Старый рабъ и нѣсколько рабовъ.

Старикъ (послѣ минуты молчанія).

Нѣтъ, съ юныхъ мы примѣра брать не будемъ,
Коль мыслить такъ.

(Низко клаясь Афродитѣ, причемъ палку опъ кладетъ на землю,
потомъ воздвывая къ ней руки)

По рабскія уста

Съ молитвою къ тебѣ я обращаю,
Владычица Киприда. Снизойди
Ты къ юности съ ея кичливымъ сердцемъ,
И дерзкія слова ея забудь:

Насъ не на то-ль вы, боги, и мудрѣ.

(Старикъ и остальные рабы уходятъ въ лѣвыя двери).

Явление четвертое.

Вступительная пѣснь хора.

На оркестру правымъ проходомъ одна за другой спускается пятнадцать трезенскихъ женщинъ, приблизительно въ возрастъ Федры.

(Хоръ раздѣляется на два полухорія).

Строфа I.

Первое полухоріе.

Холодна, и чиста, и свѣтла
Отъ волны океана скала,
Тамъ потокъ, убѣгая съ вершины,
И кунаетъ, и понтъ кувшины.
Тамъ сверкавшіе покровы
Ранымъ-рано дѣва мыла,
На хребетъ скалы суровый,
Что лучами опалило
Колесницы дня багровой,
Разстилая, ихъ сушила:
О царицѣ вѣстью новой
Насъ она остановила.

Антистрофа I.

Второе полухоріе.

Ложу скорби судьбой отдана,
Больше солища не видитъ она,
И ланиты съ косой золотою
За кисейною причетъ фатою.
Третій день ужъ наступаетъ,
Но губамъ еще царица
Не дала и раствориться,
Все уста оберегаетъ
Отъ Димитры дивной брашна,
Все невѣдомой томится
Мукой бѣдная, — и страшный
Все Андъ ей, вѣрно, снится.

Строфа II.

Первое полухоріе.

Бредомъ, царица,
Пана бредомъ объята,

Или Гекаты, иль горной
 Реи, иль стан грозной
 Бредомъ полна Корибятовъ ты . . .
 Можетъ быть, ты Диктинну,
 Лова нечестьемъ царицу,
 О госпожа, оскорбила,
 Брашна святого не давъ ей?
 Дивною земли полны,
 И надъ пучинами моря
 Носится тѣнь Диктинны.

Антистрофа II.

Второе полухоріе.

Или супруга,
 Или съ ложа, царица,
 Тайная князя вельможныхъ
 Связь увлекла, скажи намъ?
 Крита-ль брега родимаго,
 Смѣло ладью ввѣряя,
 Кинулъ морякъ пучинѣ,
 Гавани радуясь въ мысляхъ?
 Можетъ быть, вѣсти царицѣ
 Путникъ привезъ такія,
 Что ей печаль и мука
 Душу сковали съ ложемъ . . .

Эподъ.

Хоръ.

Жребій несчастный жень,
 Развѣ онъ тайна миѣ?
 Немощи робкія, сколько таится въ нихъ
 Мрака душевнаго,
 Сколько безумія —

Носять, какъ мать, дѣтя . . . Этотъ порывъ
 Прихоти немощной въ сердце и миѣ проникъ.

(Съ молитвеннымъ обращеніемъ къ статуѣ Артемиды и возды-
 ваніемъ рукъ).

Но къ Артемидѣ, дѣвѣ небесной,
 Стрѣлы носящей, я,

Ложе хранящей, я
Громко звывала.
И Артемида мнѣ между безсмертными
Всѣхъ и теперь милѣй.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе пятое.

Жаркій полдень.

Изъ дворца на низкомъ ложѣ выносятъ полулежащую Федру. Она высокая, блѣдная, губы сухія, съ полуспущеннымъ покрываломъ на головѣ. Съ ней старая кормилица и служанки, изъ нихъ нѣкоторыя несутъ царицу, другія покрывала, благовонія, опахало. Шестивіе показывается послѣ первыхъ словъ Корифея. Старая кормилица и служанки хлопчуть около Федры и укладываютъ ее на постели, нѣсколько разъ передвигая ложе.

Корифей.

Вотъ старая няня...
За ней изъ дворца несутъ сюда ложе царицы.
Какая блѣдная! Какъ извелась,
Какъ тѣнь бровей ея растеть, темнѣя!
О, что съ ней?.. Любовью тревожной полна я.
(Знаки участія и любопытства въ хорѣ).

Кормилица

(замѣтно утомленная возней и тревогой)

(Къ хору)

О, слабость людская, о, злые недуги!
Что дѣлать я буду? Чего мнѣ не дѣлать, скажите?
(Къ Федрѣ)

И свѣтлое солнце, и чистое небо,
Дитя, надъ твоею недужной постелью...
Ты воли просила:

„На воздухъ несите“, рабынямъ твердила.
Минута, — и спальня намъ будетъ милѣе.
Желанья, что волны. Что тѣнь, твоя радость.
Что есть надоѣло, не мило, — а если

Чего мы по видимъ, душа загорѣлась:
Скорѣе, скорѣе. (Къ хору)

Не лучше-ль ужь, право,
Больною лежать, чѣмъ ходить за больной?
Тамъ тѣло страдаетъ, а тутъ и душа
Твоя изболѣветъ, и руки устанутъ . . . (Пауза)
Да, жизнь человѣка лишь мука сплошная,
Гдѣ цѣни мы носимъ трудовъ и болѣзней. (Задумчиво)
Но быть же не можетъ, чтобъ нѣчто милѣе,
Чѣмъ путь этотъ скучный, за облакомъ темнымъ
Для насъ не таилось.

И если мерцанья
Мятежнаго ищемъ душой на землѣ мы,
Такъ только за тѣмъ, что иной непричастны
Мы жизни, и глазъ человѣка не властенъ
Подземныя тѣни разсѣять лучами,
Что призраки нашей душою играютъ.

Федра.

(Къ служанкамъ, которыя ей помогаютъ).
Подняться хочу я . . . Поднять съ изголовья
Мнѣ голову дайте . . . Нѣтъ силы . . . Все тѣло
Мое разломилъ . . . За бѣлыя руки
Возьмите меня вы, за слабыя руки.
Долой покрывало!

(Срываетъ покрывало и даетъ разсыпаться темнорозоватымъ своимъ
и вабѣгающимъ на щеки волосамъ).

Мнѣ тяжело, рабыни . . .
Пусть волосы льются и плечи одѣнуть . . .

Кормилица (склоняясь къ ней)
Немного терпѣнья, дитя, не мечись
Такъ дико . . . Собою владѣй, и недугъ
Тебѣ покорится. Ты только подумай:
Вѣдь ты-жъ человѣкъ . . . обреченный страданью.

Федра

(приподнимаясь и садясь на ложе, съ котораго она спускаетъ ноги).

Мнѣ ключъ бы гремучій, студеный и чистый:
Воды бы оттуда навить . . . я послѣ
Въ развѣсистой кущѣ-бъ улечься хотѣла,
Среди тополей и на зелени нѣжной.

Кормилица.

Опомнись, опомнись,
 Не стыдно-ль желанья такія безумно
 Кидать при народѣ . . .

Федра

(сходя съ ложа, рабыни разступаются, кормилица молча качаетъ головой, обмѣниваясь знаками недоумѣнія съ хоромъ и служанками).

Оставьте . . . Туда я . . . Я въ горы хочу,
 Гдѣ снѣгъ темнѣй. Гдѣ хищныя своры
 За ланью пятнистой гоняются жадно.

(Съ возрастающей лихорадкой)

О, ради боговъ . . .
 Когда бы могла я живить ее свѣтомъ,
 О, если бы дротикъ къ ланитѣ подѣ снѣгу
 Волосъ золотистыхъ приблизить могла я . . .

Кормилица.

Ужъ это откуда желанье, не знаю . . .
 По звѣрю охота — твоя ли забота?
 А если воды ключевой захотѣлось.
 Ходить не далеко — источникъ у дома,
 И пей себѣ, сколько душа твоя просить . . .

Федра.

Туда, Артемида, царица приморья,
 Гдѣ кони песчаная отмели топчуть!
 О, если-бъ туда мнѣ теперь, на арену,
 И мнѣ четверню бы Венецкую въ мылѣ.

Кормилица (всплеснувъ руками).

Чего еще просить? Безумныя рѣчи!
 То въ горы, по чащѣ лѣсистой съ охотой
 За ланью гоняться . . . то ей на побережьѣ
 Подай колесницу . . . Гадателя надо,
 Чтобъ бога намъ назвалъ, которому въ мысли
 Пришло твой разсудокъ съ дороги обычной
 Увлечь въ эти добри. Здѣсь вѣщаго надо

Федра

(мало-по-малу приходитъ въ себя, она видитъ хоръ, служанокъ и, закрывая лицо руками, тихо отходить къ своему мѣсту).

Несчастная! Что я? Что сдѣлала я?

Гдѣ разумъ? Гдѣ стыдъ мой? Увы мнѣ! Проклятье!
 Злой демонъ меня поразилъ . . . Виѣ себя я
 Была . . . бѣсновалась . . . Увы мнѣ! Увы! (Ложится).
 Покрой меня, няня, родная, покрой . . .
 Мнѣ стыдно безумныхъ рѣчей . . .
 О, спрячь меня! Слезъ не удержишь . . . бѣгутъ.
 И щеки горять отъ стыда . . . возвращаться
 Къ сознанью такъ больно, что, кажется, лучше,
 Когда-бъ умереть я могла, не проснувшись.

Кормилица (покрывая Федру).

Закрыла . . . Чего ужъ? Самой-то въ могилѣ
 Скорѣй бы землю покрыться. Судьба вѣдь
 За долгіе годы чему не научить . . . (Къ хору).
 Не надо, чтобъ люди такъ сильно другъ друга
 Любили. Пусть узы свободнѣе будутъ,
 Чтобъ можно ихъ было стянуть и ослабить,
 А такъ вотъ, какъ я эту Федру люблю,
 Любить это — тяжкое бремя. На сердце
 Одно да заботы, да страхи двойные.
 Вотъ подлинно — гдѣ ты ужъ слишкомъ усерденъ,
 Тамъ много ошибокъ да мало утѣхи . . .
 Всегда я скажу: ты излишняго бойся,
 Все въ мѣру — и мудрые скажутъ — все въ мѣру.

(Отходить отъ Федры, которая лежитъ молча, закрывшись. Дальше
 сцена ведется вполголоса).

Корифей.

Ты старая и вѣрная раба,
 Вспонвшая царицу. Видимъ, горе
 Какое-то у Федры, но понять,
 Какой недугъ у ней — не понимаемъ.
 Душа горитъ твоихъ послушать словъ.

Кормилица.

Когда-бъ сама я, жены, понимала . . .

Корифей.

Причину мукъ ты знаешь, можетъ быть.

Кормилица.

И тоже нѣтъ. Она давно тантся.

Корифей.

А какъ слаба она . . . Какъ извелась . . .

Кормилица.

Не ослабѣть . . . какъ третій день безъ пищи!

Корифей.

Желанья нѣтъ . . . Или морить себя? . . .

Кормилица.

Конецъ одинъ. Причины-жъ я не знаю.

Корифей.

На мужа я дивлюсь . . . Что-жъ смотреть мужъ?

Кормилица.

Я-жъ говорю тебѣ — она танся.

Корифей.

Но на лицѣ нельзя-жъ не видѣть мукъ.

Кормилица.

Да какъ на грѣхъ, и мужъ у ней въ отъѣздѣ.

Корифей.

Но ты? Ужель на все ты не пойдешь,
Чтобы недугъ ея развѣдать, тѣло
И душу ей снѣдающей недугъ? . . .

Кормилица.

Старалась ужъ, да никакого проку,
Но рукъ я не сложу — смотрите всѣ
И помните, что господамъ въ несчастѣ
Я вѣрная слуга . . .

(Подходить къ Федрѣ, наклоняется къ пей, говорить что-то шепотомъ, на что Федра отрицательно качаетъ головой, потомъ громко.)

Дитя мое

Любимое, мы прежнихъ лучше обѣ
Не будемъ словъ и помнить . . . Ты смягчись
И не гляди такъ гнѣвно . . . Я-жъ покину
Унылый путь, которымъ мрачный умъ
Дошелъ до словъ тяжелыхъ, и другую
Рѣчь заведу, получше.

Если тайнымъ

Недугомъ ты страдаешь, эти жены (указывая на хоръ)
 Тебѣ помогутъ опытомъ, стараньемъ;
 А если онъ таковъ, чтобъ и мужамъ
 Его открыть — тебя врачи излѣчать.
 Что-жъ ты молчишь, дитя? Хоть чтонибудь,
 Скажи, меня, коли не такъ сказала,
 Оспорь, а не оспоришь, такъ признай,
 Что я права, и поступи согласно
 Моимъ словамъ. Открой же губы . . . Дай
 Хоть посмотрѣть въ глаза тебѣ . . . О горе!
 Вотъ, женщины . . . Вы видите? Опять .
 Ужъ я ли не старалась? . . . Все напрасно:
 Какъ было, такъ и есть, и какъ тогда
 Была глуха, такъ и теперь не внемлетъ. (Пауза).

(Отходить отъ Федры, говорить съ хоромъ, потомъ опять уже болѣе рѣшительно подходить къ ней и говорить болѣе суровымъ тономъ.)

Пойми-жъ ты хоть одно. Къ другому можешь
 Ты равнодушиѣй моря быть, но, если
 Себя убьешь, вѣдь собственныхъ дѣтей
 Отцовской ты лишаешь части . . . этимъ,
 И царственной наѣздницей клянусь,
 И матерью законнаго владыки
 Твоихъ дѣтей клянусь — о, ты его
 Отлично знаешь, Федра . . . Исполита.

Федра

(не поднимая фаты, но принаставъ).

Увы!

Кормилица. (съ живостью).

Коснулась я живого мѣста развѣ?

Федра

(садится на постели и полуспускаетъ фату).

Ты сдѣлала мнѣ больно . . . Я молю .

Не повторяй мнѣ больше это имя.

Кормилица.

Вотъ видишь ты — сама вѣдь поняла;
 Такъ — какъ же, разсудивъ, не хочешь жизни
 Своей сберечь для собственныхъ дѣтей.

Федра.

Я ихъ люблю, дѣтей. Но въ сердце буя
Мнѣ жребіемъ ниспослана ннымъ.

Кормилица.

Нѣтъ на рукахъ твоихъ, надѣюсь, крови?

Федра.

Душа во мнѣ . . . душа заражена.

Кормилица.

Иль это врагъ тебѣ какой подстроилъ?

Федра.

О, нѣтъ, мы зла другъ другу не хотимъ;
Но онъ убьетъ, и я убита буду.

Кормилица.

Передъ тобой Тесей не согрѣшилъ?

Федра.

Мнѣ передъ нимъ не согрѣшить бы только.

Кормилица.

Но что-жъ тебя въ Андоровъ дождь влечеть?

Федра.

Мой грѣхъ — тебя касаться онъ не можетъ.

Кормилица

(припадая къ ней, плачетъ).

Конечно, нѣтъ. Но ты покинешь насъ . . .

Федра.

Оставь, оставь! Зачѣмъ къ рукѣ припала?

Кормилица (бросаясь къ ея ногамъ).

Въ мольбѣ твоихъ не выпущу колѣнь.

Федра.

Но это-жъ мука, это только мука . . .

Кормилица.

Нѣтъ большей мнѣ, какъ Федру потерять.

Федра.

Она умереть, но не безславной смертью.

Кормилица.

А слава въ чемъ? — Хоть это мнѣ скажи.

Федра.

И одолѣю слабость — въ этомъ слава.

Кормилица.

Откройся-жь намъ, — и слава возрастетъ.

Федра

(вставая, причемъ кормилица не хочетъ оставить ея руки и влечется за ней).

Уйди, молю . . . Освободи мнѣ руку . . .

Кормилица.

Нѣтъ, ни за что . . . Молящій дара ждетъ.

Федра.

И ты получишь этотъ даръ молящихъ.

Кормилица.

Тогда молчу . . . но за тобою рѣчь . . .

Федра

(вставая и стирая руки къ иебу, какъ бы про себя).

Какой любви ты сердце отдавала,

О мать, о мать, несчастная моя!

Кормилица.

Ты вспомнила быка иль что другое?

Федра.

О, бѣдная, и той же рождена

Для лежа Діониса, Аріадна . . .

Кормилица.

Опомнись, дочь . . . ты своей порочишь родъ.

Федра.

Мнѣ третьей быть добычей смерти, третьей.

Кормилица.

О, ужась . . . О, куда-жь ты клонишь рѣчь?

Федра.

Туда, гдѣ злой давно тантся жребій.

Кормилица.

Но въ чемъ же онъ?.. Когда бы знать могла я!

Федра.

О, горе мнѣ . . . Когда-бъ мои слова
Ты, женщина, сама сказать могла бы. (Пауза).

Кормилица.

Я-жъ не пророкъ, чтобъ чудомъ ихъ узнать.

Федра.

Ты знаешь ли, что это значитъ — „любить“?

Кормилица.

Да, слаще нѣтъ, дитя, и нѣтъ больнѣй . . .

Федра.

Послѣднее — вотъ мой удѣлъ, родная. (Пауза).

Кормилица (упавшимъ голосомъ).

Что слышу я? Ты любишь? Но кого-жъ?

Федра (Тихо).

Не знаю кто, но сынъ онъ Амазонки.

Кормилица.

Какъ . . . Исполить?..

Федра.

Онъ названъ, но не мной.

Кормилица (съ жестами отчаянія).

Не можетъ быть, дитя. Ты убиваешь
Признаиёмъ меня. Для старыхъ плечъ
Такое иго, жены, слишкомъ тяжко.
Проклятый день, проклятый свѣтъ очей . . .
Нѣтъ, въ омутъ мнѣ . . . Но только эту ношу
Берите прочь . . . На что-жъ и жизнь, когда
Порокъ возьметъ насильемъ добродѣтель
Влюбленную? (къ статуѣ Киприды).

Киприда — ты не богъ,
Ты больше бога. Кто-бъ ты ни была,
Но Федру и меня, и домъ сгубила.

К о р и ф о й.

Вы слышали, подруги?
 Изъ царскихъ губъ внимали-ль вы
 Неслыханнымъ рѣчамъ, рѣчамъ ужаснымъ?
 О, лучше бы, о, лучше-бъ умереть,
 Покуда въ грудь мою
 Твои слова проникнуть не успѣли.
 Всѣмъ горе, всѣмъ намъ горе, всѣмъ намъ горе!
 Несчастливая! какой ужасный рокъ
 Тобой владѣлъ?... О, смертные!.. О, родъ,
 На муки оброченный! — Ты погибла,
 Отдавъ лучамъ позоръ... Какъ этотъ день тебѣ
 Короткій пережить еще?..
 Къ концу идетъ съ тобою царскій домъ,
 И больше тайны нѣтъ, куда Киприды,
 Тебя склоняя, воли губить
 О, Пасифан дочь, несчастная, о Федра!

Ф е д р а

(собралась съ силами и въ слѣдующей рѣчи уже чувствуется полное самообладаніе).

Вы дочери Трезены, вы краса
 Преддверія Пелоповой державы —
 Уже давно въ безмолвіи ночей
 Я думаю томилась: въ жизни смертныхъ
 Откуда-жъ эта язва? Иль ума
 Природа виновата въ заблужденьяхъ?..
 Нѣтъ — разсужденья мало — дѣло въ томъ,
 Что къ доброму мы не стремимся вовсе,
 Не въ томъ, что мы его не знаемъ. Да,
 Однимъ мѣшаетъ лѣньность, а другой
 Не знаетъ даже вкуса въ наслажденьѣ
 Исполненнаго долга. Мнѣрь, увы!
 Соблазновъ полно, и, если волны рѣчи
 Людской насъ не закружатъ, — праздность насъ,
 За радостью гоняя, обезснѣлитъ...
 Ты скажешь, стыдъ..? Какой? Есть два стыда:
 Священный стыдъ и ложный, но тяжелый.
 А будь межъ нихъ свѣтла для свѣта грань,
 Они однимъ бы словомъ не писались...
 И вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ тяжкимъ размышленьемъ

Я различать ихъ научилась, нѣтъ
 Миѣ болѣе къ невѣдѣнью возврата ...
 И не могу не видѣть я грѣха.
 Но я хочу съ тобою прослѣдить
 Рѣшенья ходъ ... Когда Эрота жало
 Я въ сердцѣ ощутила, какъ его
 Переносить, я стала думать, честно ...
 И начала съ того, чтобъ затанць
 Его, какъ можно глубже. Проку мало
 Для насъ въ рѣчахъ. Пусть иногда языкъ
 Поможетъ намъ другого образумить,
 Но раны нѣтъ больнѣй, чѣмъ отъ него. (Пауза).
 Я думала потомъ, что шель безумный
 Осилю добродѣтелью ...

И вотъ,

Когда ни тайна, ни борьба --- къ побѣдѣ
 Не привели меня, (тихо)

осталась смерть. (Возгласы въ хорѣ).

И это лучшій выходъ. Нѣтъ, не надо
 Миѣ возражать. Для славы мы хотимъ
 Свидѣтелей ... Для горя только тайны ...
 Я знала все — недугъ ... его позоръ ...
 И женскому я сердцу цѣну знала ... (Пауза).
 Пускай для той проклятій будетъ мало
 Со всей земли, которая съ другимъ
 Впервые обманула мужа. О,
 Пойти съ верховъ должна была зараза.
 Вѣдь, если зло игрушка знатныхъ, развѣ
 Въ толпѣ оно не станетъ божествомъ?
 Проклятiе и вамъ, чьи скромны рѣчи,
 Но чьи подъ кровомъ ночи черной дерзки
 Преступныя объятя ... Какъ онѣ
 Рѣшаются, — о, пѣною богини
 Рожденная, потомъ смотрѣть въ глаза
 Обманутымъ мужьямъ? Какъ имъ не страшно,
 Что самый мракъ ихъ выдастъ, что стѣла
 Заговорить, внимавшая лобзаньямъ?
 Я отъ одной бы мысли умерла.
 Что мужа бы могла я обезчестить
 Или дѣтей. Нѣтъ, никогда! Они.

Свободные и гордые, на землю
 Священную прославленныхъ Аоний
 Вступая, насъ не постыдятся вспомнить.
 Вѣдь самый дерзкій клонить, точно рабъ,
 Къ землѣ чело, когда при немъ напоминать
 Клеймо отца иль матери позоръ.

И если что нибудь поспорить можетъ
 Съ желаньемъ жить, такъ совѣсть, у кого
 Она еще осталась ... Слабодушнымъ,
 Какъ красной дѣвницѣ, когда нибудь
 Подносить время зеркало, но я,
 Нѣтъ, я его не буду дожидаться ...

Корифей.

Увы, увы! Нѣтъ въ мѣрѣ ничего
 Прекраснѣе, чѣмъ добродѣтель: смертныхъ
 Она даритъ заслуженной хвалою ... (Пауза)

Кормилица

(шеувѣренно приближаясь къ Федрѣ).

О, госпожа, когда завѣсу съ бѣдъ
 Ты сдернула такъ быстро, то, конечно,
 Въ испугъ я не выбирала словъ
 И лишнее сказать могла. Но дѣло
 Совсѣмъ не такъ ужъ страшно ... И всегда
 Надежнѣе второе разсужденье.
 Чего нибудь неслыханнаго я
 Покуда не узнала. Афродиты
 Здѣсь чары несомнѣнны. Любишь ты?
 Но не одна-жъ. Другія тоже любятъ.
 И убивать себя!.. Да развѣ-жъ всѣхъ,
 Кто любить, въ любви готовъ отдаться,
 За это и казнить?

Да польза-жъ въ чемъ?

Или потокъ Кириды остановишь?
 Ты уступи ему — тебя волной
 Онъ ласково обниметъ, а попробуй
 Надменно или нагло спорить съ нимъ, —
 И что-жъ? тебя не искалѣчить, скажешь?
 И въ высотѣ эоирной, и въ морской
 Пучинѣ — власть Кириды, и повсюду

Творенія ея. Она въ сердцахъ
Рождаетъ страсть, и всё въ ея кошницѣ
Мы зернами когда то были.

Кто

Исторіи читалъ сѣдые свитки,
Иль пѣсни разучилъ поэтовъ, знаетъ,
Какъ нѣкогда Семелы царь боговъ
Безумно ложа жаждалъ, какъ Кефала
Въ чертогъ Эосъ для ласокъ увлекла,
Румяная. Среди боговъ и въ небѣ
Они живутъ однакожь и теперь,
И страсти той несутъ покорно нго ...
А ты, ты будешь спорить? Если такъ
Тебѣ тяжелъ законъ боговъ, то жалко,
Что твой отецъ зараньше для тебя
Не вымолилъ другого, иль въ утробѣ
Другимъ богамъ тебя не посвятилъ. (Пауза).

(Подходить еще ближе и говорить еще смиреннѣе).

Иль мало здѣсь, ты думаешь, найдется
Такихъ мужей, что на грѣхи жены
Глаза благоразумно закрываютъ ...
Я болѣе скажу ... Такихъ отцовъ,
Что сыновьямъ не прочь въ дѣлахъ любовныхъ
Способствовать. Да умный человекъ
И всякій такъ разсудитъ, что дурное
Не на показъ. А жизни все равно
Не вымѣрять, какъ дома. И карнизъ
Вѣдь не всегда положишь по заказу ...
Ужели же судьбы — да и какой
Еще судьбы! теченье ты ослишь ...
Ты — женщина, и если ты могла
Быть честною не рѣже, чѣмъ нечестной,
Считай себя счастливою. Черныхъ думъ
Останови-жь теченье! Это людямъ
Доступнѣе ... А рваться одолѣть
Боговъ, дити — повѣрь мнѣ, только гордость.
Любить тебѣ велѣла Афродита ...

(Касаясь ея плеча. Федра сначала вдрагиваетъ, потомъ легче
поддается ея ласкамъ).

Ты будь смѣлѣй — осиливай недугъ,

Захватывай его ... На то есть чары,
Соблазны словъ ... Подумаемъ — найдемъ

(почти шепотомъ)

И отъ твоей болѣзни мы лѣкарство:

Мужчина бы не скоро отыскаль,

А мы куда на выдумки горазды ... (Пауза).

(По звуку Федры, кормилица, не оборачиваясь, дѣлаетъ три шага назадъ, не переставая, однако, глядѣть на Федру и какъ бы готовя новый ударъ).

К о р н ф е й (тихо и торжественно Федръ).

Ея слова страдальческой судьбѣ

Отрадное сулятъ успокоенье,

Но я несю, царица, восхищенье,

Пусть горькое, но все таки тебѣ ...

Ф е д р а (въ толпѣ ея).

О, злая лестъ — на сладостной облавѣ!

Твоихъ сѣтей всегда обилень ловъ.

Я не хочу отрадной нѣги словъ,

Пускай они мнѣ говорятъ о славѣ ...

К о р м и л и ц а

(выждавъ минуту и улыбаясь).

Да, музыка!.. Но эти ризы словъ

Узорныя ... зачѣмъ онѣ? Вѣдь сердцу-жъ

Лишь Ипполита рѣчь была-бъ отрадн.

(Федра вздрагиваетъ и погружается въ мысли; тогда кормилица смѣется).

Зачѣмъ же прямо такъ и не сказать?

Тянуть зачѣмъ, когда вопросъ поставленъ

Рѣшительный о жизни? Будь сама

Женою ты разумной и спокойной,

Иль думаешь: тебѣ бы этотъ шагъ

Я предлагать рѣшилась ... для утѣхи?

Но рѣчь идетъ о жизни ... И никто

Меня, надѣюсь, жены, не осудитъ.

(Последнія слова обращены къ хору).

Ф е д р а.

О, ужась, ужась!.. Замолчишь ли ты?

Иль токъ рѣчей позорныхъ не изсякнуща ...

Кормилица

(не безъ нѣкотораго ехидства).

Позорныхъ! Пусть ... Позорныя слова
Теперь тебѣ полезнѣй благородныхъ ...
Не лучше-ль жизнь усилимъ спасти,
Чѣмъ именемъ вѣнчать твою могилу?

Федра

(складывая руки, съ мольбою въ голосѣ).

О, нѣтъ! О, нѣтъ, ради боговъ. Права
Ты, да, я знаю ... Но позоръ не меньше
Отъ этого ... Я цѣпь Эрота съ честью
Еще носить хочу ... Но ты вѣдь въ бездну
Меня зовешь ... О, нѣтъ, о, нѣтъ, о, нѣтъ! ...

Кормилица

(чувствуя слабѣющій отпоръ, подходитъ къ Федрѣ смѣлѣй. Въ голосѣ слышится нѣкоторая фамиллярность отъ сознанія своей силы).

Ну, разсуди-жь ... Кто спорить ... было-бъ лучше
Не полюбить ... А полюбила ты,
Такъ ужъ отдайся-жь лучше добровольно.
Есть у меня и средство отъ недуга
Любовнаго — ни чести не вредить,
Ни разума оно не потемняетъ ...
Но не плошай: по комъ душа горитъ,
Пусть ризы край иль локонь потеряетъ,
И васъ потомъ водой не разольешь.

Федра

(равнодушно, какъ подъ вліяніемъ гипноза).

Питье иль мазь твое лѣкарство, няня?

Кормилица.

Въ томъ пользы нѣтъ, что много будешь знать.

Федра.

Но хитрости твои нивъ страшны .. Нѣтъ ли
Дурного въ нихъ ... Опаснаго чего?

Кормилица.

Чего же ты боишься, не пойму я ...

Федра

Рѣчей твоихъ, чтобъ о бѣдѣ моей
 Эсеевъ сынъ по нимъ не догадался. . .

Кормилица.

(спѣшить уйти, какъ бы боясь, что настроеніе Федры измѣнится).
 И полно . . . Все улажу я, дитя. (Къ статуѣ Киприды)
 Ты только будь за насъ теперь, Киприда,
 Владычица морская . . . Остальное
 (Съ полупоклономъ къ хору)
 Не перейдетъ за тѣсный кругъ друзей . . .
 (Уходитъ въ среднюю дверь)
 (Федра въ раздумьѣ садится на ложе).

Первый музыкальный антрактъ.

Строфа I.

О Эроть! О Эроть!
 На кого ополчился ты,
 Тѣмъ глаза желанье туманить,
 Въ сердце сладкая нѣга льется . . .
 Но ко мнѣ не иди, молю тебя,
 Ни съ бѣдой, Эроть, ни въ ярости.
 Нѣтъ такого огня, и лучи свѣтилъ
 Со стрѣлой не сравняются горніе,
 Что изъ рукъ своихъ мечеть въ насъ,
 Дія сынъ, и стрѣлой Кипридиной . . .

Антистрофа I.

Слѣпота! Слѣпота!
 Аполлону кровавья
 Мечемъ туши мы близъ Алфея,
 Бычьи туши, въ Пнѳійскихъ храмахъ . . .
 А Эрота царя надъ смертными
 Ублажить, дитя Кипридино,
 Но хотимъ. Пусть ея теремовъ любви
 Онъ ключарь, но для насъ ошъ жестокой богъ:
 Свѣтъ смерть и проклятiя,
 Куда ступить Эроть, Зевесовъ сынъ . . .

Строфа II.

Ярма не познавшая дѣва
 И брачнаго чуждаго ложа,
 Въ садахъ расцвѣла Эхалійскихъ ...
 Но крови и пламени полны,
 Дымятся палаты Еврита,
 И теремъ пылаеть царевны,
 И нимфу дрожащую сыну
 Алкмены подъ адскіе гимны
 Проклятій и смерти Киприда
 Вручаетъ для горькаго брака ...

Антистрофа II.

Ограда священная Тивы,
 Дирцен кипящая пѣна,
 Вы ужасы міру о силѣ
 Могли бы Киприды повѣдать.
 Она, средь блистаній и громовъ
 Склонивши на брачное ложе
 Грядущую Вахкову мать,
 Въ объятія кинула смерти,
 О, страшная сила и сладость!
 Пчела съ ея медомъ и жаломъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе шестое.

Тѣ же безъ кормилицы. Во время послѣднихъ словъ хора слышится во дворцѣ смятеніе. Федра тревожно прислушивается и потомъ встаетъ, идетъ къ двери, остававливается и обращается къ оркестрѣ.

Федра.

Оставьте пѣсни, жены ... Я погибла.

Корифей.

Что-жь страшнаго въ чертогѣ слышишь ты?

Федра.

Тамъ голоса. Постойте, дайте слушать ...

И исполить.

Корифей.

Начало страшное ... Молчу ... Молчу.

Федра.

Ахъ — Ахъ...

Несчастная! Чего же ждать еще мнѣ?

Корифей.

Что ты слышишь? Чей же голосъ

О любимая царица!

Что тебя, скажи, смутило?

Иль ты страшное узнала?

Федра.

Я говорю вамъ — я погибла ... Шумъ
Тамъ за стѣной ... вы слышите-ль, какъ шумно?

Корифей.

Но вѣдь ты у самой двори.

Иль сама узнать не хочешь?

О, прислушайся-жь, царица,

Отчего кричать въ чертогъ?

Федра.

Сынъ наѣздницы тамъ громы

На мою служанку мечеть ... (Пауза. Прислушивается)

Корифей.

Да, я слышу — только смутно;

Разбери-жь и мнѣ скажи;

До тебя изъ двори близкой

Рѣчи ихъ ясныѣй доходятъ.

Федра.

Я слышу ясно, какъ зоветъ ее

Онъ своднею, предавшей господина.

Корифей.

Горе! Горе ... дорогая.

Предана ты пѣть спасенья,

Больше нѣтъ и тайны, Федра.

И отъ друга ты погибла.

Федра.

Она меня сгубила . . . Мой недугъ
Ему она пересказала. Мнѣ-жъ
Она дала въ лѣкарствѣ выпить яду.

Корифей.

Но дальше что-жъ? Гдѣ выходи ты найдешь?

Федра.

Или сама я знаю ?.. Двери дома
Аидова я вижу передъ собою.

(Отходить къ статуѣ Киприды и становится какъ бы подъ ея защиту.)

Явленіе седьмое.

Изъ среднихъ дверей выходитъ Ипполитъ. За нимъ, цѣпляясь за его одежду, на смерть перепуганная кормилица. Ипполитъ. Кормилица.

Федра. Лица безъ рѣчей.

Ипполитъ.

Вы, свѣтлыя лучи!.. И ты, земля!..
И это было сказано?.. О ужась!..

Кормилица.

Ахъ тише, тише . . . Могутъ услыхать.

Ипполитъ.

Я не могу молчать . . . Вѣдь это-жъ ужась . . .

Кормилица (ловя его руки.)

Десницею могучей заклинаю . . .

Ипполитъ.

Прочь, руки прочь . . . И выпусти мой плащъ . . .

Кормилица

(бросаясь къ его ногамъ и преграждая путь).

У ногъ твоихъ, у ногъ молю пощады.

Ипполитъ.

Какой? Вѣдь ты-жъ, по твоему, права.

Кормилица.

Огласки я боюсь. Пойми, огласки.

Ипполитъ.

Прекраснаго молва не оскорбить

Кормилица (приподнимаясь)

Дитя мое — ты-жъ клялся, вспомни только ...

Ипполитъ.

Устами, да — но сердце не причемъ.

Кормилица.

Уже-ль друзей, дитя мое, погубишь?

Ипполитъ.

Чуръ, чуръ меня! Неправый — мнѣ не другъ.

Кормилица.

Кому-жъ прощать, дитя, коли не людямъ? (Пауза.)

(Кормилица отходитъ къ Федрѣ, но та, молча скрестивши руки, смотритъ на Ипполита и не замѣчаетъ ея. Тогда она подходитъ къ хору, обмѣниваясь съ хоревтами жестами удивленія и страха.)

Ипполитъ.

О, Зевсѣ! Зачѣмъ ты создавалъ жену?
 И это зло съ его фальшивымъ блескомъ
 Лучамъ небесъ позволилъ обливать?
 Иль для того, чтобъ родъ людской продолжитъ
 Ты обойтись безъ женщины не могъ?
 Иль изъ своихъ за мѣдъ и злато храмовъ
 Иль серебро не могъ бы сыновей
 Ты продавать, чего который стоитъ,
 Освободивъ жилища намъ отъ женъ.
 Что жены зло, мнѣ доказать не трудно.
 Родной отецъ за дочерью, ее
 Взлелеявши, чужому человѣку
 Приданое дать ---- освободи
 Его отъ дочки только. Мужъ, конечно,
 Отравленною украсивъ розой садъ,
 Ей восхищенъ бываетъ. Точно куклу
 Или алмазъ фальшивый, онъ жену
 Старается оправить подороже.
 Но и мужей жена нищить, и только.
 И хорошо, кому попалось въ домъ

Ничтожное творенье, чтобъ ни злого,
 Ни добраго придумать не могла.
 Но умницы! . . Избави, боже, если
 Въ ней на вершокъ побольше, чѣмъ въ другихъ,
 Ума, излишекъ этотъ Афродитѣ
 На пользу лишь - - коварствомъ станетъ онъ.
 Напротивъ, та, которая природой
 Обижена жена, по крайней мѣрѣ,
 На хитрости Киприды не пойдетъ.
 Приспѣшникъ — вотъ отъ женъ подальше надо.
 Вы сторожить поставьте терема
 Звѣрей, когда хотите, да не этихъ
 Пособницъ, звѣрь укуситъ, да не скажетъ,
 А то хозяйка козни мастерить,
 А нянюшка ихъ по свѣту разноситъ . . .

(Къ хору, указывая на кормилицу).

Не такова-ль и эта тварь? Отца
 Священное она дерзнула ложе
 Мнѣ, сыну предлагать. Да послѣ словъ
 Такихъ — иди къ источнику и уши
 Омой священной влагой. Если я
 Въ себѣ заразу чувствую отъ звука,
 Отъ шума словъ, такъ какво же сердцу
 Отъ грязи ихъ. Но я благочестивъ,
 И это васъ теперь спасаетъ, жены,
 Повѣрьте всѣ бы ваши я открылъ
 Дѣла отцу, когда бы, какъ ребенокъ,
 Сковать уста себѣ я клятвою не далъ.
 Просторъ теперь предоставляю вамъ,
 Пока Тесея нѣтъ, и для признаній
 Я не открою губъ. Но вмѣстѣ съ нимъ
 И я сюда вернусь — миѣ любопытно
 Васъ съ госпожой увидѣть, какъ царя
 Вы будете встрѣчать. Хотя обращикъ
 Твоей, раба, я наглости видалъ.

(Бросивъ боковой взглядъ на Федру.)

Такъ будьте же вы прокляты! Ни въ вѣки
 Я не скажу, что ненавиждѣть женщинъ
 Сильнѣе невозможно, и меня

Пускай зовутъ хоть взбалмошнымъ, — покуда
Все тѣ-жь онѣ.

О, смертные, иль женѣ
Исправьте намъ, иль языку дозвольте
Ихъ укорять, а сердцу проклинать.

(Уходитъ въ правую дверь.)

Явленіе восьмое.

Безъ Ипполита.

Федра.

О, жребій жены!
О, какъ надъ тобою не плакать?
Гдѣ сила искусства?
Гдѣ выходъ?
О, какъ этимъ цѣпкимъ объятьемъ
Опутана я безнадежно!
Ужъ мой приговоръ
Написать. О, солнце! О, солнце!
О, мать земля!
Куда я уйду отъ несчастья?
Чѣмъ горе покрою?
О, жены! О, жены!
Иль Богъ мнѣ поможетъ? Но кто же?..
Иль вступится смертный въ такое
Позорное дѣло?.. На плечи
Нанала несносная тяжесть.
И смерть, только смерть ее сниметъ ...
Межъ женскихъ, увы!
Несчастіе пѣть моей доли!

Корифей.

Увы! Увы! Посланицы искусство
Не удалось. Ты въ тяжкомъ полеженьѣ ...

Федра (кормилицъ).

О, худшая изъ женѣ ... Друзей своихъ
Не пощадить ... Пускай отецъ небесный
Тебя, огнемъ изранивъ, въ порошокъ

Потомъ сотреть. Что-жь? я молчала, скажешь?
 Иль хитростямъ заранѣ твоимъ
 Позорнаго конца не предрекала?
 Позорнаго. Да, да. Для Федры больше
 Почетной нѣтъ кончины. Но довольно.
 Теперь важнѣ дѣло. Гнѣвъ его
 Не пощадить, конечно, предъ Θεсеемъ
 Болтливости твоей неосторожной,
 И рѣчи, точно рѣки, потекутъ
 По всей землѣ постыдныя. Проклятье-жь
 Тебѣ и вѣмъ проклятіе, кто радъ
 Съ непрощенной готовностью и дерзко
 Служить своимъ измученнымъ друзьямъ!

Кормилица.

Ты не меня бранишь, а неудачу:
 Обида умъ озлобленный мутить.
 О, у меня нашлись бы оправданья,
 Когда бы ихъ ты слушала. Тебя
 Кто выкормилъ и выростилъ, царица?
 Кто преданнѣй служилъ тебѣ? Недугъ
 Я исцѣлить хотѣла твой и гибну
 За то, что не сумѣла. А сумѣй,
 Изъ мудрыхъ бы слыла теперь я мудрой.
 Весь умъ людей не тоже-ль, что успѣхъ?

Федра.

Изравила и дикимъ пререканьемъ
 Мнѣ рану бредишь. Иль это все?
 Вся правда? Все, что Федра заслужила?

Кормилица (подходя къ Федрѣ).

Постой. Пускай была я не права,
 Но и теперь не все еще погибло.

Федра (съ повелительнымъ жестомъ)

Нѣтъ, болѣе ни слова! До сихъ поръ
 Ты только зло нашептывала. Только
 Дурное начинала. Уходи
 Къ своимъ дѣламъ. Намъ помощи не надо.

(Кормилица, плача, уходитъ на лѣво, въ дверь)

Явленіе девятое.

Безъ кормилицы.

Федра (къ хору).

Вы-жь жены благородныя Трезены,
 Не откажите мнѣ въ одномъ — уста
 Безмолвіемъ окутать передъ тайной.

Корифей

(обращаясь къ Артеמידѣ и потомъ къ Федрѣ)

Я чистою богинею клянусь,
 Что твоего несчастія не выдамъ.

Федра.

О, будьте же вы счастливы! А я
 Еще имѣю выходъ, какъ сберечь
 Потомству имя доброе.

Да оны

И для меня въ моемъ несчастіи лучше.
 О, вѣтъ, я славной родины моей
 Не посрамлю и на показъ Тесею
 Позорнаго не вынесу клейма,
 Чтобъ сохранить остатокъ жалкой жизни.

Корифей.

Кого-жь спасешь неисцѣлимымъ зломъ?

Федра.

Себя спасу. А какъ, увидишь послѣ.

Корифей.

Стыдись же словъ такихъ.

Федра.

А ты стыдись

Насъ упрекать. Иль не Кипридъ я,
 Не этой жрицѣ на алтарь сегодня
 Усладою паду? Мнѣ горекъ былъ
 Любовный жребій, жены, но страданьемъ
 Вѣнчанная, я и другую смерть
 Въ своей таю. Есть мужъ. Изъ муки этой
 Смиренія оны вынесетъ урокъ:
 Одинъ недугъ, одна и кара будетъ.

(Уходитъ въ среднюю дверь, служанки увозятъ ложе).

Второй музыкальный антрактъ.

Строфа I.

О, еслибъ укрыться могла я
 Туда, въ эти темныя выси,
 О, еслибъ, величьемъ бога,
 Межъ птицами вольною птицей
 Вилась я. Туда бы стрѣлой,
 Туда-бъ я хотѣла, гдѣ море
 Синѣетъ, къ брегамъ Эридана,
 Гдѣ въ волны пурпурныя, блескомъ
 Отцовскимъ горящія волны,
 Несчастныя дѣвы, не слезы
 Въ печали по братѣ погибшемъ,
 Янтарное точать сіянье.

Антистрофа I.

Туда, гдѣ въ садахъ налилися —
 Мечты или пѣсни поэтовъ,
 Плоды Гесперидъ золотые,
 Туда, гдѣ на грани волшебной
 Плывущей предѣлъ положили
 Тріархъ — морей промыслитель,
 И мученикъ небодержавный,
 Туда, гдѣ у ложа Кронида
 Своєю петлѣнной струею
 Одинъ на всю землю источникъ,
 Златясь и шумя, животворный
 Для радости смертныхъ пробился...

Строфа II.

Отъ береговъ родимыхъ Крита
 И отъ мирной сѣни отчей
 За ладью бѣлокрылой
 Съ шумной жалобой не даромъ
 Волны пѣнныя бѣжали:
 Не нашла невѣста мира
 Въ этомъ бракѣ.

Съ Крита-ль только птицы злыя
 Вашу свадьбу провожали,

Или встрѣтили въ Афинахъ,
У Мунихин, когда вы,
Въ волны новыя тяжелый
Бросивъ лкорь, на священный
Брегъ Паллады выходили?

Антистрофа II.

Тамъ мучительнымъ недугомъ
Грѣшной страсти поразила,
Въ оправданье знаковъ черныхъ,
Золотая Афродита
Душу пѣжнюю царицы:
И ужасныхъ испытаній
Не снести ей!

Вотъ идетъ поспѣшно въ теремъ,
Вотъ рука на бѣлой шеѣ
Петлю вяжетъ и не дрогнетъ.
Страшенъ демонъ ненавистный,
И, спасая честь, царица
Изъ души своей свободной
Жало страсти вынимаетъ.

Дѣйствіе третье.

Явленіе десятое.

Кормилица (за сценой).

Ай ... Ай ...

Сюда! Сюда! Скорѣе всё, кто можетъ:
Повѣсилась Фессеова царица.

Хоръ.

Увы! Увы! Все кончено. Виситъ
Она въ ужасной петлѣ. Федры нѣтъ.

Кормилица (за сценой).

Скорѣй же ... О, скорѣй ... И ножъ острѣй.
Разрѣзать эту петлю ... Помогите ...

Хоръ.

Что дѣлать намъ, подруги? Во дворецъ
Пойдемъ ли вынимать ее изъ петли?

Первое полухоріе.

Зачѣмъ? Иль нѣтъ тамъ молодыхъ рабынь?
Кто безъ толку хлопочеть, не поможетъ.

Кормилица (за стеною, съ плачемъ).

Снимите-жь хоть ее... не дышитъ больше...
О, горькая палата охрана мужнихъ.

Второе полухоріе.

Сомнѣнья нѣтъ... Скопчалась... Тѣло тамъ
Ужъ на одрѣ печальною полагають...

Явленіе одиннадцатое.

Θесей (съ лѣвой стороны). Огъ увѣчанъ лавромъ. За нимъ свита.

Θесей

(сначала оглядывается на запертую дверь, ищетъ къ кому бы обратиться, потомъ, увидѣвъ хоръ).

Гей, женщины... Тутъ былъ какой-то крикъ...

Неясный плачь рабынь изъ залъ дворцовыхъ

Издалика до слуха долетѣлъ.

А здѣсь царя, узрѣвшаго святиню,

И у дверей покинутыхъ палатъ

Ничей привѣтъ не встрѣтилъ... Иль съ Пвтосемъ

Что новое случилось, престарѣлымъ?

Корифей.

Ударъ судьбы, Θесей. Но не старикъ,

А яркій, царь, погасъ здѣсь жизни свѣточъ.

Θесей.

Увы! Увы! Не изъ дѣтей же кто?

Корифей.

Они живутъ — по матери не видятъ.

Θесей.

Что говоришь? Жена... Но какъ? Но какъ?

Корифей.

Отъ собственной руки, въ ужасной петлѣ.

Ѳесей.

Въ тоскѣ, скажи, иль жребій оковаль?

Корифей.

Мы знаемъ то, что слышала ты, и только...

И сами мы недавно здѣсь, Ѳесей.

Ѳесей.

О, горе мнѣ... На что-жъ и лавры эти
На волосахъ? (Срываетъ и бросаетъ ихъ).

Не праздники справлять

Придется здѣсь Ѳесею... Гей, живѣе,

Рабы, отбить запоры у воротъ,

И настѣжь ихъ!.. Пускай достойной плача

Картиной я насыщу взоръ... жены

Я видѣть трущъ хочу себѣ на горе...

(Рабы отбиваютъ внутренній запоръ дверей. Широко распахнутыя онѣ показываютъ внутренность дома. На носилкахъ трущъ Федры..

Около и за нимъ толнятся служанки).

Явленіе двѣнадцатое.

Ѳесей и свита около мертвой Федры.

Сцена плача.

Хоръ (обращаясь къ тѣлу Федры).

Увы! Увы! Несчастная. О, жребій,

О, злодѣяніе и ты,

О, мука, вы сгубили цѣлый домъ...

О, дерзость, о, патискъ безумный

На жизнь, на собственную жизнь.

Кто смѣлъ, скажите, кто смѣлъ

На голову эту

Покровъ погребальнаго мрака накинуть?

Кто смѣлъ?

Ѳесей.

Строфа.

О, муки!.. О, городъ!.. Но нѣтъ.

Нѣтъ горше, подъятыхъ Ѳесеемъ.

О, тяжко, такъ тяжко на плечи
 Обрушился жребій, увы мнѣ!
 То бѣса сокрытая мѣтка?
 Иль тайная точитъ насъ лзва?
 Не море-ли бѣдствій темнѣсть?
 Кружатъ меня волны — не выплыть,
 И хлещутъ, на верхъ не пускаютъ.
 Твоя-жь, о, жена, въ какихъ же словахъ
 Предсмертная мука, скажи мнѣ, сокрылась?
 Ты легче, чѣмъ птица, изъ плѣна
 Въ эфиръ, въ Андѣ исчезла.
 О, жребій, о, жребій плачевный!
 Мнѣ предокъ оставилъ пятно, —
 Слезами его замываю.

Корифей.

Не первый ты подругу, царь, оплакалъ,
 И не одинъ ты дивную терялъ ...

Фесей.

Антистрофа.

Туда я ... въ подземную ночь
 Хочу, и въ могилѣ хочу я
 Безъ солнца лежать, потому что
 Ты больше меня не обнимешь,
 Мертва ты ... Я жъ тѣни блѣднѣе ...
 О, какъ эти страшныя мысли,
 Жена, въ твою душу проникли?
 О, нѣтъ, не таитесь, рабыни:
 Иль чужды душою вы дому? ..
 О, горе, и ты, о, зрѣлице мукъ!
 Умомъ не охватишь, не вынесешь сердцемъ.
 Безъ матери дѣти — и въ домѣ
 Хозяйки не стало. Меня же,
 Меня-жь на кого покидаешь,
 О, лучшая, въ яркихъ лучахъ,
 О, лучшая, въ лунномъ мерцаньи?

Хоръ.

Несчастный, несчастнѣйшій мужъ!
 Ты бѣдами домъ осажденный!

Надъ горемъ твоимъ, властелинъ,
Слезамъ склонились мои орошенные вѣки,
Но ужась холодныхъ предчувствій
Въ груди и давиѣи и больнѣи.

Θесей.

Ба ... Погляди ...
Вѣдь бѣлая рука ея застыла,
Письмо сжимая ... Или новыхъ мукъ
Оно несетъ намъ бремя, или въ немъ
Вдовцу или сиротамъ свой завѣтъ
Она передъ разлукой написала?
Нѣтъ, бѣдная, въ оставленный тобой
Ужъ не войдетъ чертогъ жена друга.
Покойно спи ... (Дѣлая шагъ, направляясь къ тѣлу.)
О да, я узнаю
Кольца печать усопшей золотую ...
Мгновеніе и, складень растворивъ,
Послѣднихъ строкъ ея узнаю тайну.

(Подходить къ тѣлу и, разжавъ руку Федры, вынимаетъ складень.
Пока онъ его распечатываетъ и читаетъ).

Корифей.

О, горе, о, горе ...
То новый ударъ
Намъ демонъ готовить ... Увы ...
Жизнь цѣну для меня терять ... Это будетъ,
Я чувствую, ударъ смертельный. Пусть же
И на меня онъ падаетъ:
Въ обломкахъ на землѣ
Моихъ царей лежитъ былое счастье ...

Θесей.

О, ужась!.. Омерзѣніе и ужась!..

Корифей.

Но что? скажи ... Коли я смѣю знать!..

Θесей.

О, къ небу вопіють,
О, къ небу тѣ нѣмая вопіють

Объ ужасѣ неслыханномъ слова.
Куда уйти? Нѣтъ... Это слишкомъ... Эти
Въ какой-то адскій хоръ смѣшались строки.

Корифей.

Увы! Увы!

О, новыхъ бѣдъ ужасное начало!

Θесей.

О, нѣтъ, мои уста
Гантъ не смѣютъ этой язвы страшной,
Уродства этого, что и назвать мерзить...
Пусть полумертваго добьютъ они. Но знай...
Но знай, земля отцовъ,
Сынъ, Ипполитъ, на ложе посягнулъ
Отцовское, не устыдился Зевса
Очей. О, Посидонъ, о, мой отецъ!
Три за тобой желанія, и вотъ
Желанье первое: пускай мой сынъ
Не доживетъ до этой ночи, если
Твоимъ должны мы вѣрить заклинаньямъ.
(Изъ хора вырывается крикъ ужаса).

Корифей.

Ради боговъ! Возьми назадъ слова...
Раскаешься ты, царь, въ своемъ желаньи.

Θесей.

Нѣтъ, никогда. И изъ страны его
Я изгону. Готовы оба кубка
Съ отравою. Пусть жалобу мою
Пучины царь услышитъ и сегодня-жъ
Его сошлетъ въ Андъ, иль, осужденъ,
До вечера, какъ нищій, онъ скитанья
Свой начнетъ вельніемъ моимъ...

Корифей.

Смотри, — твой сынъ, — онъ во время, владыка.
Безумный гнѣвъ покинь и оуби
Свой домъ инымъ и набожнымъ желаньемъ.

Явленіе тринадцатое.

Тъ же и Ипполитъ въ сопровожденіи небольшой свиты. (Справа).

Ипполитъ (еще не вида труппа).

На голосъ твой, отецъ, я прихожу
Отчаянный ... Изъ за чего оны знать
Хотѣлъ бы ... (Видитъ трупъ Федры и отшатывается).
Га ... Что вижу?.. Тѣло
Твоей жены?.. Какъ это непонятно,
Вѣдь я-жъ сейчасъ разстался съ ней, — была
Она совсѣмъ здорова. Этотъ мертвый
Покой ся такъ странень ... Какъ же смерть
Ты объяснить бы могъ, отецъ?.. И что же
Ты все молчишь? Иль думаешь бѣду
Томительной развѣять нѣмотою?
Коль тайна жжетъ желаніемъ сердца,
Въ несчастіи огонь оя живѣе,
И ты неправъ, скрывая отъ друзей ...
Нѣтъ, больше, чѣмъ друзей ... свои печали.

Θесей (по глядя на сына).

О, суета! О, жалкій родъ слѣпцовъ!
Нѣтъ хитростей, какихъ бы допытаться
Ты не сумѣлъ, упорный человѣкъ.
Десятками ты ихъ считаешь тысячъ.
Но обучить того, въ комъ смысла нѣтъ,
Усовѣстить мошенника возьмешься-ль?..

Ипполитъ.

Такой учитель сталъ бы знаменитъ,
Свой умъ въ чужія головы влагая,
Но, можетъ быть, мы бросимъ шутки, царь:
Несчастію, боюсь, мутитъ твой разумъ.

Θесей

(продолжаетъ, не глядя на него).

О, если бы хотя малѣйшій знакъ
Имѣли мы, но вѣрный, чтобы друга
Отъ недруга и лживыя слова
Отъ истинныхъ мы сразу отличали ...
Два голоса пускай бы человѣкъ

Имѣль — одинъ особенный для правды,
 Другой же прежній голосъ. Вѣдь тогда
 Разоблачить всегда бы ложь могли мы,
 Игралищемъ людей не становись.

Ипполитъ.

Иль кто-нибудь изъ близкихъ предъ тобой
 Оклеветалъ меня? Иль и невинность
 Отъ низости не ограждаетъ насъ?..
 Я съ толку сбить. И странные намеки
 Твои, отецъ, измучили меня.

Θεσεί.

О, до чего-жъ дойдешь ты, родъ людской?
 Иль грани имѣть у дерзости?.. Препоны
 У наглости?.. Рожденьемъ чловѣкъ
 Приподнимай на палецъ только гребень
 У дерзости, чтобы отца возросъ
 Хитрѣе сынъ, а внукъ хитрѣе сына,
 И на землѣ не хватить мѣста скоро
 Преступникамъ. И къ этой прибавлять
 Богамъ бы не пришлось вторую землю.

(Къ хору и окружающимъ).

Смотрите всѣ ... Вотъ сынъ мой, опозорилъ
 Онъ ложе миѣ — и мертвая его,
 Какъ низкаго злодѣя, уличаетъ.

(Ипполитъ, слѣдитъ, опускаетъ глаза, замѣчая въ рукахъ отца письмо).

(Ипполиту)

Что не глядишь? Коль язвою твоей
 Я зараженъ, ужели глазъ бояться
 Твоихъ отцу.

Такъ вотъ онъ этотъ мужъ,
 Отмѣченный богами, ихъ избранникъ,
 Невинности и скромности фіаль ...
 Когда-бъ твоимъ рассказамъ шарлатанскимъ
 Повѣрилъ я, — я не боговъ бы чтилъ,
 А лишь невѣжъ въ божественныхъ одеждахъ.
 Ты чванишься, что въ пищу не идетъ
 Тебѣ ничто дышавшее, и плутни

Орфеевымъ снабдилъ ты ярлыкомъ.
 О, ты теперь свободенъ --- къ посвященнымъ
 На праздники иди и пылью книгъ
 Пророческихъ любовно унивайся,
 Ты больше не загадка.

Но такихъ,
 Пожалуйста, остерегайтесь, люди,
 Позорное таятъ подъ благочестьемъ
 Они искусство.

Это только трупъ ...
 Но отъ того тебѣ теперь не легче,
 Изъ низкихъ самый низкій. Уличень
 Ты мертвою. Ты уничтожень ею.
 Передъ ея судомъ что значать клятвы,
 Свидѣтели и вся шумиха словъ?
 Иль скажешь ты, что былъ ей ненавистенъ,
 Что незаконный сынъ, при сыновьяхъ
 Законныхъ, имъ всегда помѣхой будетъ?
 Но не безумно-ль было-бъ отдавать
 Дыханіе свое и счастье ближнихъ
 Взамѣнъ твоихъ страданій?.. Это ложь ...
 Иль чувственность царить не та-же, скажешь.
 Надъ нами, что надъ женскою душой?
 Миѣ юноши извѣстны, что не могутъ
 Наплыва страсти выдержать, -- любой
 Слабѣй они дѣвчонки. Только поль
 Спасаетъ ихъ отъ осужденья.

Впрочемъ,
 Не лишнее ль все это? Здѣсь лежитъ
 Свидѣтель неподвижный, но надежный:
 Ты осужденъ. Немедленно покинешь
 Трезену ты. Священная Аѳинъ
 Земля и всѣ моей державы страны
 Отнынѣ для тебя закрыты. Еслибъ
 Тебя теперь простилъ я, Иполить,
 И Сиписъ бы, грабитель придорожный,
 Пожалуй бы явился и сказалъ,
 Что я его убійствомъ только хвасталъ,
 И скалы бы Скиронскія тогда
 Грозы моей не стали больше славить.

Корифей.

О, счастье, ты не прочно на землѣ:
Твои колонны гордя во прахѣ.

Ипполитъ.

Твоей души, отецъ, слѣпая страсть
И гибвѣ ея тяжелый оставляютъ
Глубокій слѣдъ въ умѣ не оттого,
Чтобъ былъ ты правъ однако —

Къ сожалѣнью,

Я склонности не чувствую въ толпѣ
Оправдывать себя и, вѣроятно,
Въ своемъ кругу сумѣлъ бы доказать
Яснѣй твою ошибку. И не такъ ли
Нерѣдко нашъ страдаетъ тонкій слухъ
Отъ музыки, которой рукоплещеть
Толпа? Увы . . . Предъ горшею бѣдой
О меньшей мы забываемъ. Вижу, —
Завѣсу съ устъ приходится подвнать,
Начну съ того же я, съ чего искусно
Ты началъ рѣчь. Оставь безъ возраженья
Я первыя слова, и я погибъ.
Взгляни вокругъ на землю, гдѣ ступаетъ
Твоя нога, на солнце, что ея
Живить, и не найдешь души единой —
Безгрѣшнѣ моея — хотя бы ты
И спорилъ, царь. Боговъ я чтить умѣю,
Живу среди друзей, и преступленій
Бѣгутъ друзья мои. И стыдно имъ
Другихъ людей на злое наводить,
Или самимъ прислуживать пороку.
Высмѣивать друзей, пусть на лицо
Они иль нѣтъ, я не умѣю. Тотъ же
Для нихъ я другъ. Ты упрекалъ меня
Въ страстяхъ, отецъ, — нѣтъ, въ этомъ я не грѣшенъ:
Я брака не позналъ и тѣломъ чистъ.
О немъ я знаю то лишь, что услышалъ.
Да на картинахъ видѣлъ. Да и тѣхъ
Я не люблю разглядывать. Душа
Стыдливая мѣшаетъ.

Если скромность
 Въ невинности тебя не убѣдить,
 Такъ объясни-жь, отецъ, какимъ же могъ
 Я развратиться способомъ. Иль Федра
 Такой уже неслыханной красоты?
 Иль у меня была надежда съ ложемъ
 На твой престолъ, ты скажешь? Но вѣдь это
 Безуміе бы было, коль не глупость.
 Иль быть царемъ такъ сладостно для тѣхъ,
 Кто истинно разуменъ? Ой, смотри,
 Здоровъ ли умъ, коли корона манить.
 Я первымъ быть межъ Эллиновъ горѣлъ
 На играхъ лишь, а въ государствѣ, право-жь,
 И на второхъ намъ мѣстѣ хорошо ...
 Среди избранныхъ, конечно. Тамъ досугъ,
 Да и въ глаза опасность тамъ не смотреть,
 А это слаще, царь, чѣмъ твой престолъ.
 Теперь ты все ужъ знаешь. За себя
 Такого же другого, къ сожалѣнью,
 Я не могу подставить, чтобъ порукой
 Тебѣ служить. Предъ Федрою живой
 Миѣ также споръ заказанъ. Ты легко-бы
 Нашелъ тогда виновныхъ. А теперь
 Хранителемъ клянусь тебѣ я клятвы
 И матерью-землей, что никогда
 Жены твоей не трогалъ, что ее
 Я не желалъ, и что о ней не думалъ.
 И пусть умру, безславно и покрытый
 Позорнымъ именемъ, ни въ морѣ я,
 Ни на землѣ пускай успокоенья
 И мертвый не найду ... коль это ложно ...
 Замучена-ли страхомъ, умерла
 Отъ собственной руки она, не знаю
 И больше говорить не смѣю. Но
 Неправая изъ дѣла вышла чистой,
 А чистаго и правда не спасла.

Корифей.

Ты опровергъ отлично обвиненье,
 И клятвою ты истину вѣнчалъ.

Θεσεί.

Смотрите-ка. Вотъ тактика . . . Сначала
Срамиль отца, а послѣ гибѣвъ его
Смирениемъ уступчивымъ и лживымъ
Пытается, какъ магъ, заворожить.

Исполить.

Я одному, отецъ, теперь дивлюсь ---
Испанію. Зачѣмъ не смерти ищешь?
Будь на твоемъ я мѣстѣ, такъ обидчикъ
Казнець бы былъ за честь моей жены.

Θεσεί.

О, это слишкомъ мягко, сынъ мой. Казни
Немедленной отъ насъ себѣ не жди.
Преступнику конецъ поспѣшный --- милость.
Нѣтъ, ты, вдали отъ родины скитаешься,
Зымаливая хлѣбъ, но будешь жить.

Исполить.

О, небо! Или срока оправдаться,
Или угла покуда мнѣ не дашь?

Θεσεί.

За Понтомъ бы — когда бы могъ, за гранью
Атлантовой. Ты мерзокъ мнѣ, пойми.

Исполить.

Какъ? безъ суда? безъ клятвы? безъ допроса?
И даже безъ гаданій --- приговоръ?

Θεσεί.

Ишьмо -- твоя улика, и не нужно
Тутъ жребія. А птицы въ небесахъ
На этотъ разъ меня не занимають.

Исполить.

О, боги! Усть ужели и теперь
Не разрѣшите мнѣ? Вѣдь эта клятва
Мнѣ стоитъ жизни . . . Нѣтъ . . . я не хочу . . .
Вѣдь этотъ грѣхъ мнѣ не вернулъ бы вѣры.

Θесей.

О, лицемѣръ! Ты изведешь меня . . .
Вонъ изъ дому безъ всякихъ промедлений!

Ипполитъ.

Куда-жь? О, горе. Кто-жь откроетъ дверь
Изгнаннику съ такимъ ярмомъ позорнымъ?

Θесей.

А какъ узнать? И соблазнитель женъ
Инымъ мужьямъ бываетъ милымъ гостемъ.

Ипполитъ.

Такъ низко пасть предъ міромъ, предъ тобой . . .
Да кто же я?.. Сжимаютъ горло слезы.

Θесей.

Не поздно-ль ты развѣжился? Пока
Преступникомъ ты не былъ — было плакать.

Ипполитъ.

Вы, стѣны, камни, вы заговорите!
Скажите же ему, что я невиненъ.

Θесей.

Ссылаешься ты тонко на нѣмыхъ
Свидѣтелей (показывая трупъ). вотъ и еще одинъ.

Ипполитъ.

Когда бы самъ я встрѣтился съ собой,
Надъ этою я бы заплакалъ мукой.

Θесей.

Да, самъ себѣ ты былъ всегда кумиръ;
Родителей бы лучше почиталъ ты.

Ипполитъ.

О, мать моя. . . О, горькое рожденье,
Виѣбрачное! Не дай Богъ никому.

Θесей.

Гей! взять его (слугамъ). Вы не слыхали развѣ,
Что приговоръ надъ нимъ произнесенъ?

Исполить.

Бѣда тому, кто до меня коснется. (Ѳесей).
 Душа горить, такъ самъ и изгоний.

Ѳесей.

И сдѣлаю . . . съ ослушникомъ. Ни мало
 Его при томъ, повѣрь, не сожалѣя.

(Уходитъ со стражей въ среднюю дверь, которая за ними запирается.)

Явленіе четырнадцатое.

Тъ же безъ Ѳесея.

Исполить.

Да, рѣшено и крѣпко. Есть ли мука
 Сильнѣе той, когда ты знаешь все
 И ничего открыть другимъ не можешь?

(Къ статуѣ Артемиды.)

Тебя зову, Латои дочь, милѣй
 Для сердца нѣтъ тебя, о, дѣва, ты
 Моихъ охоть и спутница, и радость!
 Закрытый намъ и славный городъ отчій
 И земли Ерехооя, говорю
 И вамъ прости послѣднее. И ты
 Прости, моя Трезенская равнина,
 Для юныхъ силъ твоя отраднѣе —
 Ее глаза въ послѣдній разъ ласкають . . .
 Вы, юности товарищи, привѣтъ
 Скажите мнѣ и проводите друга . . .
 Что бы отецъ ни говорилъ, а вамъ
 Ужъ не найти другого, чище сердцемъ.

(Уходитъ со свитой палѣво.)

Третій музыкальный антрактъ.

Строфа I.

(Сначала за сценой плачь и вопли.)

Если я въ сердцѣ, какъ боги велики, подумаю,
 Муки смолкають и страхъ;

Но и желаніе вѣрить въ могучую неба поддержку
Тасть, когда о дѣлахъ и мукахъ раздумаюсь нашихъ.

Вѣчно—сегодня одно, а завтра другое . . .

Жребіи смертныхъ, что спицы

Быстрыхъ колесъ тамъ мелькаютъ.

Антистрофа I.

Я у тебя, о судьба, благодатныхъ даровъ бы молила,
Чуждое сердце заботъ.

Я не хотѣла бы видѣть глубокую сущность твореній,
Но и въ потемкахъ коснѣть не хотѣла бы я суевѣрныхъ.

Солнце хочу и встрѣчать веселой улыбкой,

Благословляя сегодня

И уювая на завтра.

Строфа II.

Разумъ мутится, и нѣтъ у сердца крылатой надежды :

Элады звѣзда золотая

Съ неба ея на чужія поля закатилась

Гнѣвною волей отца.

Глади Трезены родимой, отъ васъ,

Дикія чащи, отъ васъ,

Гдѣ золотою звѣздой вѣнчанный

Царь съ Артемидой за ланью гонялся.

Антистрофа II.

Брызги съ копытъ и колесъ, венецкіе кони, взметая,

Берегомъ мчатся не будутъ;

Залы и портикъ чертога безмолвны, и струны

Лиры, и пѣсни молчатъ.

Роща богини густая нѣма,

Дѣвъ тамъ увѣнчанныхъ нѣтъ,

Но по тебѣ не одна, что надежду

Въ сердцѣ лелѣяла дѣва, вздыхаетъ.

Эподъ.

Дни мои слезами мука

Ипсилитова наполнить,

Жизнь не въ жизнь намъ больше будетъ.

Мать, зачѣмъ его носила?
 Иль затѣмъ, чтобъ сердце гнѣвомъ
 Противъ бога запылало?
 Вы-жь три сестры, три Хариты, зачѣмъ изъ отчизны
 Нашу безвинную радость изъ отчаго дома берете?

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явленіе пятнадцатое.

Съ лѣвой стороны приближается вѣстникъ — это колюхъ Ипполита.

Корифей.

Но вижу я изъ свиты Ипполита,
 Идущаго сюда. Какъ мраченъ онъ!

Вѣстникъ.

Гдѣ я царя найду, Ѳесей, жены?
 Скажите мнѣ — онъ во дворцѣ теперь?

Корифей.

Онъ изъ дворца сейчасъ сюда выходитъ.
 (Изъ средней двери показывается Ѳесей безъ свиты).

Вѣстникъ.

Ѳесей, тебѣ и гражданамъ твоимъ,
 И въ Атикѣ, и изъ Трезень, я вѣсти
 Несу. Онъ должны васъ потрясти.

Ѳесей.

Какія-же? Или одно несчастье
 Готовится обоимъ городамъ?

Вѣстникъ.

Нѣтъ Ипполита больше... (Крикъ ужаса въ хорѣ.)

Хоть и видитъ

Онъ солнце, но минуты сочтены.

Ѳесей.

Какъ умеръ онъ? Иль мужа оскорбленной
 Его настигъ ударъ, дополнивъ нашъ?

Вѣстникъ.

Его разбили собственные кони, -
 Прозлятіе разбило, что къ отцу
 Ты обратишь, съдыхъ морей державцу.

Θ есей.

О, небо! Да, я точно имъ рожденъ,
 Внимавшимъ мнѣ изъ моря Посидономъ.
 Но какъ погибъ, скажи мнѣ, этотъ мужъ,
 Поправшій честь и пораженный правдой?

Вѣстникъ.

Близъ берега, гдѣ волны набѣгаютъ
 И плещутся морскія — лошадей
 Мы чистили и плакали — узнали
 Мы отъ людей, что Ипполита, царь,
 Въ изгнанье ты отсюда усылаешь,
 И здѣсь уже не жить ему. Пришелъ
 И самъ онъ слѣдомъ. Съ нашей пѣсней грустной
 Онъ и свои соединяетъ слезы.
 Безъ счета ихъ, ровесниковъ, туда
 За нимъ пришло. Тогда, оставивъ плакать,
 Онъ намъ сказалъ: „Не надо унывать,
 Словамъ отца повиноваться надо.
 Живѣй, рабы, живѣе запригайте:
 Трезены нѣтъ ужъ болѣе для насъ“.
 И загорѣлось дѣло — приказать
 Онъ не успѣлъ — ужъ лошади готовы.
 Тутъ ловко онъ вскочилъ на передокъ
 И съ ободка схватилъ проворно возжи,
 Но кобылицъ сдержалъ и, къ небесамъ
 Воздѣвши руки, сталъ тогда молиться:
 „О Зевсѣ, съ клеймомъ злодѣя жизни вовсе
 Не надо мнѣ. Но дай когда-нибудь,
 Останусь я въ живыхъ или не останусь,
 Чтобы отецъ мой понялъ, какъ онъ дурно
 Со мною поступилъ“. Стрекало онъ
 Затѣмъ принявъ, кобыль поочередно
 Касается. Мы-жъ около возжей

У самой побѣжали колесницы,
Чтобъ проводить его. А путь ему
Лежалъ, Ѡсесей, на Аргось, той дорогой,
Которая ведетъ и на Кориню.
Но вотъ, когда мы выѣхали въ поле
Пустынное, съ котораго холмы
Къ Саронскому спускаются заливу,
Какой-то гулъ подземный, точно громъ
Послышался оттуда отдаленный,
Вселяя страхъ, и кобылицы вмигъ
Насторожились, вытянувши шеи,
А мы вокругъ пугливо озирались . . .
И вотъ глаза открыли тамъ, гдѣ берегъ
Прибоемъ волнъ скалистый убѣленъ
Огромную волну. Она вздымалась
Горою прямо дивной, постепенно
Заставъ отъ насъ Скирона побережье,
И дальній Истмъ, и даже Эпидавра
Отъ глазъ она закрыла скалы. Вотъ
Еще она раздулась и, сверкая,
Надвинулась и на берегъ метнулась,
И изъ нея явилось, на манеръ
Быка, чудовище. Ущелья слѣдомъ
Окрестныя наполнилъ дикій ревъ . .
И снова, и ужаснѣй даже будто
Быкъ заревѣлъ. Какъ выдержать глаза,
Не знаю я, то зрѣлище сумѣли?
Мгновенно страхъ объемлетъ кобылицъ . . .
Тутъ опытный возничій, своему
Искусству вѣрный — возжи намотавши,
Всѣмъ корпусомъ откинулся — гребецъ
Заносить такъ весло. Но кобылицы,
Сталь закусивъ зубами, понесли . . .
И ни рука возничаго, ни дышло,
И ни ярмо ихъ бѣшеныхъ скачковъ
Остановить ужъ не могли. Попытку
Послѣднюю онъ сдѣлалъ на несокъ
Прибрежный ихъ направить. Вдругъ у самой
Чудовище явилось колесницы,
И четверни шарахнулась въ смятеньи

Назадъ, на скалы. Скачка началась
 Безумная. Куда метнутся кони,
 Туда и звѣрь — онъ больше не ровѣль,
 Лишь надвигался онъ все ближе, ближе . . .
 Вотъ, наконецъ, отвѣсная стѣна . . .
 Прижата колесница. Колесо
 Трещить, и въ дребезги . . . и опрокинуть
 Царь вмѣстѣ съ колесницей. Это былъ
 Какой-то взрывъ. Смѣшались, закружились
 Осей обломки и колесъ, а царь
 Несчастный въ ухахъ повлачился тѣсныхъ
 Своихъ возжей, — о камни головой
 Онъ бился, и отъ тѣла оставались
 На острияхъ камней куски живые.
 Тутъ не своимъ онъ голосомъ кричить:
 „Постойте-жь вы, постойте, кобылицы!
 Не я ли васъ у яслей возростилъ?
 Постойте же и не губите, это
 Проклітіе отца. О, неужель
 Невинному никто и не поможетъ?“
 Отказа бы и не было. Да были
 Мы далеко. Ужь я не знаю, какъ
 Онъ пути сбиль, но мы едва живого
 Его нашли на полѣ. А отъ звѣря
 И кобылицъ давно простыль и слѣдъ.
 Въ ущеліяхъ ли, гдѣ-ль они исчезли,
 Ума не приложу.

Хоть я, конечно,
 Въ твоихъ чертогахъ царскихъ только конюхъ,
 Но я бы не повѣрилъ никогда
 Про сына твоего дурному слову,
 Пускай бы, сколько есть на свѣтѣ женъ,
 Хоть все повѣселись. И писемъ выше,
 Чѣмъ Ида, миѣ наоставляли гору.
 Я знаю только, царь, что Исполить
 Невиненъ и хорошій человѣкъ.

Корифей.

Увы! Увы! Опять ударъ, и мѣткій!
 Да, отъ судьбы, какъ видно, не уйти.

Θεсей

(послѣ нѣкотораго размышленія).

Миѣ пострадавшій все же ненавистонъ,
И сладостны миѣ были вѣсти мукъ.
Но я родилъ его и узы крови
Священныя я помню — потому —
Ни радости, ни горю здѣсь не мѣсто.

Вѣстникъ.

Но какъ же быть теперь? Оставить тамъ,
Чтобъ изъ твоей намъ, царь, не выйти воли?
Коль смѣю я совѣтовать, не будь
Ты такъ жестокъ, владыка, къ мукамъ сына.

Θεсей.

Сюда его несите . . . Заглянуть
Въ глаза ему хочу и волей бога
И этой карой страшной уличить
Хочу его во лжи и злодѣяньи.

(Вѣстникъ уходитъ палъво; Θεсей остается на сценѣ въ раздумьѣ.)

. Хоръ.

О, Киприда, суровую душу людей
И боговъ желѣзную волю
Ты, богиня, сгибаешь.
И надъ черной землею съ тобой,
И надъ влагой соленой и звучной,
Какъ радуга, яркій Эротъ
На быстрыхъ крылахъ пролетаетъ...
И если онъ бурный полетъ
На чье-нибудь сердце направить,
То дикое пламя мгновенно
Отъ золота крыльевъ
Тамъ вспыхнетъ любви и бозумья,
А чары его
И въ чащѣ, и въ волнахъ таинныхъ
Звѣрей укрощаютъ и все,
Что дышитъ въ сіяніи солнца,
И люди ему
Покорны. Твоя, о, Киприда,
Весь міръ наполняетъ держава.

И с х о д ъ.

Явленіе шестнадцатое.

Артемидѣ на высокомъ помостѣ и Ѳесей.

А р т е м и д а.

Внемли: тебѣ я говорю,
Сынъ благороднаго Эгея,
Тебѣ божественная дочь
Латон. Какъ ты могъ, безумный,
Веселье въ сердцѣ ощутить?
Я говорю тебѣ—судомъ,
Судомъ неправымъ ты убилъ
Тобой рожденнаго.

Ж е н ы

Словами ложными окованъ,
Неясный грѣхъ ты обратилъ
Въ міръ поразившее злодѣйство...
Потемокъ Тартара теперь .
Желай для своего позсра,
Цль птицей сдѣлаться желан
И въ высь отъ этой оскверненной
Тобою улетѣть земли.
Нѣтъ большо мѣста для тебя
Средь чистыхъ въ этомъ мірѣ, вовсе...
Я свитокъ золъ должна передъ тобой
Развить, Ѳесей, безъ пользы—лишь печали
Прибавитъ онъ, я знаю, но пришла
Я для того, чтобъ сынъ твой честно умеръ,
Оправданный. И я жены твоей
Любовное должна раскрыть безумье
И, можетъ быть, борьбу. Ея Эротъ
Ужалилъ сердце тайно, и любовью
Къ царевичу царица запылала:
Богиня такъ хотѣла, что для насъ,
Въ невинности отраду находящихъ,
Особенно бываетъ ненавистна.
И разумомъ Киприду одолѣть
Пыталася царица, но въ ловушку

Кормилицы попалась. Та ея
Царевичу любовь пересказала,
Связавъ его ужасной клятвой раньше,
Чтобъ онъ молчалъ. Ея слова твой сынъ
Отринулъ, но благочестиво клятвы
Нарушить не дерзнулъ онъ, какъ его
Ни унижалъ ты здѣсь. А эту ложь
Оставила царица, умная,
Чтобъ оправдать себя. И точно, ты,
Ея словамъ повѣривъ, сына проклялъ.

Θесей.

Увы!..

Артемидѣ.

Мучительны слова мои, Θесей,
Но долженъ ты ихъ молча слушать дальше,
И, царь... тебѣ еще придется плакать...
Ты помнишь ли, о, низкій, что тебѣ
Три выполнить желанія поклялся
Отцу, но гибель вражью ты презрѣлъ
И первою направилъ противъ сына...
Не Посидонъ виновещъ тутъ: его
И помыслы, и свято исполненъе.
Ты передъ нимъ и ты передо мной
Единственный виновникъ, потому что
Ты не искалъ свидѣтелей, гаданьемъ.
Ты пренебрегъ, уликъ не разобралъ
И, времени для истины жалѣя,
Съ поспѣшностью преступной своею
Божественнымъ сгубилъ проклятьемъ сына.

Θесей.

О, дай мнѣ умереть...

Артемидѣ.

Ты согрѣшилъ,

Но и тебѣ возможно оправданье.
Киприды здѣсь желанія и гнѣвъ
Слились, Θесей. А межъ боговъ обычай:
Наперекоръ другъ другу не идти.
Мы въ сторону отходимъ, если богъ

Горячія желанья разливаетъ.
 О, если бы не страхъ, что оскорблю
 Я Зевса, какъ хранителя законовъ,
 Иль думаешь, я бы подъяла стыдъ,
 Любимаго изъ смертныхъ уступая
 Богамъ земли? Твои вина, Фесей,
 Невѣдѣньемъ ослаблена и тѣмъ,
 Что воли злой ты не имѣлъ; съ собою
 Отъ правды ключъ царица унесла,
 А смерть ея твой помутила разумъ...
 Всѣхъ тяжелѣй тебѣ, конечно, царь,
 Но скорбь и я съ тобой дѣлю. Печалить
 И насъ людей благочестивыхъ смерть,
 И только злыхъ мы съ корнемъ вырвать рады.

Явленіе семнадцатое.

Въ концѣ слѣдующихъ словъ Корифей слѣва толпа несетъ ложе съ
 Ипполитомъ, у котораго закрыты глаза. Рабы несутъ его тяжело и
 осторожно. Стоны съ носилокъ. Движеніе въ хоръ. Фесей закрыть
 лицо руками. Свѣтлое облако, освѣщавшее Артемиду, померкло.

Ипполитъ, Артемида и Фесей.

Корифей.

Ужь вотъ онъ... О, горькій... Межъ локоновъ черенъ,
 Въ обрывкахъ одежды цвѣтущее тѣло
 Разбито, истерзано. Тяжкая доля!
 Два траура въ домѣ! Два траура въ домѣ!

Ипполитъ.

О, смерть...

Изъ устъ нечестивыхъ неправда проклятій...
 Что сдѣлалъ ты съ сыномъ, отецъ?
 О, горе! О, горе, о, смерть!
 Миѣ черенъ произли безумныя боли.
 Въ мозгу моемъ жало --- вонзится и выйдетъ,
 И снова вонзится... Минуту покоя,
 Минуту покоя пожертвуй, змѣя!
 Ты, адъ колесницы. Не васъ ли я самъ
 И рѣстилъ, и хранилъ давно, кобылицы?..

Вы рвали меня, вы, терзая, убили...
 Охъ, тише! богами молю васъ, рабы,
 Касайтесь нѣжнѣй до избитаго тѣла:
 Я — рана сплошная. Кто справа?
 Не вижу. Тихонько берите
 И, шагъ умѣряя, впередъ подвигайте

(Рабы снова поднимаютъ доже и ставятъ его на лѣвой сторонѣ сцены,
 ближе къ краю.)

Забытаго небомъ, кого и отецъ
 Въ грѣховномъ безуміи проклять...
 О, призри же, Зевсѣ, о, призри съ небесъ.
 Боговъ я всегда почиталъ — я невинно
 И чисто я жилъ, если кто на землѣ
 Невинно живетъ. Но въ корень моя
 Загублена жизнь. И могилы
 Я слышу дыханье. И даромъ
 Страдалъ я и набоженъ былъ межъ людей.
 Ой... ой!

Увы, мнѣ... Опять... Эти боли
 Винваются. Жалать.
 Оставьте-жъ меня!
 Ты, черная, сжался, возьми нась,
 Иль, люди, добейте хоть вы. Нѣтъ мочи
 Отъ рѣжущей стали,
 Удара я жду точно ласки...

(Рабы поднимаютъ носилки, онъ видитъ Фесея.)

О, злое проклятье отца!
 Запятнанныхъ предковъ, старинныхъ,
 Но крови единой — грѣхи,
 Грѣхи меня губять... возмездье
 Растетъ ихъ, покоя не зная...
 Но отчего-жъ надо мной разразился
 Гнѣвъ этотъ старій?
 Надъ чистымъ, невиннымъ, зачѣмъ онъ
 Такъ тѣшится злобно? Увы мнѣ!
 О, что же мнѣ дѣлать? Отъ мукъ
 Страшныхъ куда же укроюсь? (Пауза.)
 Ты, черная сила Аида, несчастнаго тихой,
 Тихой дремотой обвѣй. (Пауза.)

(На помостѣ загорается облако. Артемида. Ипполитъ ее не видитъ.)

Ипполитъ

Артемида.

О, сколько мукъ, о, мужъ, великимъ сердцемъ
Загубленный, я вижу надъ тобой...

Ипполитъ.

А...

Волшебное благоуханье! Въ мукахъ
Ты льешься въ грудь... и будто легче мнѣ...
Ты здѣсь со мной, со мною, Артемида?

Артемида.

Она съ тобой... любимый, бѣдный другъ.

Ипполитъ.

Владычица, ты видишь Ипполита?

Артемида.

Изъ смертныхъ глазъ бы слезы полились.

Ипполитъ.

Товарищъ твой и спутникъ умирать.

Артемида.

Но онъ умереть въ лучахъ моей любви.

Ипполитъ.

Возница твой... твоихъ луговъ хранитель...

Артемида.

Кипридою коварной унесенъ.

Ипполитъ.

О, я позналъ ее въ дыханьѣ смерти.

Артемида.

Простить тебѣ богиня не могла
Ни чистоты, ни алтарей забвенья.

Ипполитъ.

Теперь мнѣ все понятно: не одну,
А цѣлыхъ три взяла Киприда жертвы.

Артемида.

Ты, твой отецъ и Федрa, цѣлыхъ три.

Ипполитъ.

Да, и отца судьба достойна плача.

Артемида.

Его коварно демонъ обмануль.

Ипполитъ (смотря на Фесей).

Твое, отецъ, жестоко испытанье.

Фесей.

Жестоко такъ, что адомъ сталъ и свѣтъ.

Ипполитъ.

Тебѣ больнѣй, чѣмъ мнѣ, твоя ошибка.

Фесей.

О, если бы тебя мнѣ замѣнить...

Ипполитъ.

То горькій былъ подарокъ Посидона.

Фесей.

Когда бы могъ вернуть его Фесей.

Ипполитъ.

Тогда бы гнѣвъ его со мной покончилъ...

Фесей.

Затменіе, ужасный даръ боговъ...

Ипполитъ.

Увы! Увы!

Ихъ наши-то проклятыя не достигнуть...

Артемида.

Оставь боговъ. Иль думаешь, что гнѣвъ,

Который до могильной почвы сердце

Великое и чистое терзалъ,

Останется неотомщеннымъ? Я...

Я отомщу тебя одной изъ стрѣлъ,

Которая не вылетаетъ даромъ...

Межъ смертными стрѣла моя найдетъ,

Кто ей милѣй другихъ. Тебя же, бѣдный,

О, лучший другъ, въ Трезепѣ отлчу
 Я честію высокой. Передъ свадьбой
 Пусть каждая дѣвица даръ волосъ
 Тебѣ несетъ. И этотъ въ даль нѣмую
 Обычай перейдетъ вѣковъ. И въ вѣчность
 Самъ въ пѣніи дѣвичьихъ чистыхъ устъ
 Ты перейдешь. И какъ тебя любила,
 Не позабудутъ, Федра... Царь Ѡсей,
 Поди сюда и сына обними
 И поцѣлуй его. Чужою волей
 Ты умертвилъ его. И дивно-ль вамъ
 Грѣшнить, когда того желаютъ боги?...
 Ты-жь, Ипполитъ, я и тебя прошу
 Гнѣвъ на отца оставить. Вѣдь таковъ
 Былъ твой удѣлъ. Простимся. Взоръ небесный
 Не долженъ видѣть смерти, и глаза
 Туманить намъ холодное дыханье.
 А черная ужъ надъ тобой... я вижу...

(Ѡсей обнимаетъ сына молча).

Ипполитъ.

Будь счастлива, блаженная, в ты
 Тамъ въ голубомъ эфирѣ... Ты любила
 Меня и долго, но легко оставишь...
 Отцу, какъ ты велѣла, я простилъ...
 Я словъ твоихъ не преступалъ и раньше.

(Артемиды исчезаетъ.)

Явленіе восемнадцатое.

Безъ Артемиды.

Ипполитъ.

Но на глаза спадаетъ мракъ. Отецъ,
 Возьми меня, приподними немного.

Ѡсей.

Дити мое! Не добивай отца.

Ипполитъ.

Смерть!.. Вотъ они, подземныя ворота!

Ѳесей.

Подъ бременемъ злодѣйства не покинь.

Ипполитъ.

О, я тебя, отецъ, освобождаю...

Ѳесей.

Какъ? этотъ грузъ съ меня снимаешь? весь?..

Ипполитъ.

Да, дѣвственной клянусь я Артемидой.

Ѳесей.

О, лучший сынъ! О, благородный сынъ!

Ипполитъ.

Дай богъ такихъ тебѣ, отецъ, законныхъ.

Ѳесей.

И потерять такое сердце... О...

Ипполитъ.

Прощай, отецъ... Прости меня, мой милый.

Ѳесей.

Ты выдержишь... Ты одолѣешь смерть.

Ипполитъ. (Тихо.)

Я выдержалъ... я ужъ въ объятыхъ смерти.
Отецъ... скорѣе пепелось на лицо...

(Ѳесей прикрываетъ агонію.)

Ѳесей.

О, славныя Аоиискіе предѣлы,
И ты, Пелопоннись! кого сейчасъ
Лишитесь вы... А мнѣ, увы! Кирида
Страданія оставила клеймо. (Пауза.)

Ѳесей снимаетъ съ мертваго пепелось. Всѣ глубоко склоняются передъ
гѣломъ. Минута молчанія.

Хоръ

(удаляется подъ мѣрные звуки апанестовъ).

Это трауръ двойной и неожиданный,
Лейтесь слезы подъ веслами скорби,
И далеко, далеко звучи
Вѣсть о горѣ великомъ царей!
